

Хуа Цяньгу хлопотала на кухне, Танбао держала маленькую ложечку, чтобы помочь ей, иногда добавляя немного соли, иногда - сахара.

- Учитель! Учитель! Пора идти ужинать!

Бай Цзы Хуа перестал медитировать. Его дух находился за тысячи миль отсюда, играя в шахматы с высшим бессмертным Дун Хуа. Как только он услышал ее, он быстро попрощался, и его дух пролетел тысячи миль, возвращаясь в тело.

Войдя в комнату, он посмотрел на еду на столе, каждое блюдо было изысканно расставлено, красиво украшено, словно произведение искусства.

- Что ты сегодня приготовила?

- Ха-ха, учитель, вот все блюда по порядку: суп из медовой росы, суп «тофу, львиный зев и семена лотоса», лotosовый отвар, фруктовое пюре, ассорти из корня солодки и жареные пестики желтых хризантем.

- Тебе не нужно готовить так много еды каждый день, это расточительно, если мы не сможем съесть все. Готовь только одно или два блюда.

- Да, учитель, - Хуа Цяньгу протянула обеими руками пару нефритовых палочек для еды. - Благородный наставник, прошу, угощайтесь.

Бай Цзы Хуа взял палочки и подержал их в руках. Его пальцы были даже бледнее и красивее нефритовых палочек.

Танбао сидела в специально предназначенной для нее фарфоровой чаше с голубыми узорами и глотала слюну, глядя на еду. Пока ел учитель, она не осмеливалась действовать опрометчиво.

- Твое мастерство улучшилось, - Бай Цзы Хуа посмотрел на блюдо, состоящее из множества декоративно вырезанных фруктов в форме птиц и фениксов, слегка кивнул и положил в рот ломтик белой груши.

Хуа Цяньгу радостно держала свою чашу, украдкой наблюдая, как учитель ест. Это было самое счастливое время дня. Хотя учитель обычно мало говорил за трапезой, просто сидеть рядом с ним вызывало у нее ощущение тепла. Как можно есть так элегантно? - мысленно задала она себе вопрос.

- Гу Тоу, я хочу вон то и то...

Хуа Цяньгу положила вишни, из которых были сделаны глаза фениксов, в чашу Танбао, и

Танбао, схватив одну из них, откусила сразу половину.

Бай Цзы Хуа съел несколько ложек каждого блюда и через некоторое время отложил палочки для еды, но остался сидеть за столом, наблюдая за ней и Танбао. Он никогда не чувствовал себя голодным или сытым, но каждый день выделял немного времени, чтобы побыть в их обществе.

- Ешь медленно, тебе не нужно спешить.

- Да, да... - не смотря на свои слова, Хуа Цяньгу почти мгновенно умяла четверть еды на столе, и, чувствуя себя почти сытой, быстро отложила палочки.

- Я всё, Танбао, можешь доесть остальное. Учитель сказал, что мы не должны тратить еду впустую. Ах да, ты последняя, кто закончит, поэтому тебе нужно будет вымыть чаши и палочки для еды, ха-ха.

- А? Ладно... Но здесь так много блюд, и я в последнее время растолстела. У меня даже талия исчезла!

- Талия? - Хуа Цяньгу использовала палочки для еды, чтобы ущипнуть ее мясистое тельце, и оглядела с ног до головы. - Какая талия? Здесь или здесь? Разве она не везде одинаково толстая?

Танбао пыталась вырваться из палочек для еды, визжа от смеха.

В глазах Бай Цзы Хуа появился намек на улыбку, когда он увидел, как эти двое веселятся от души. Он поднял безупречно белый рукав и вытер уголок рта Хуа Цяньгу.

Хуа Цяньгу подняла взгляд на его холодное лицо, и этот нежный жест чуть не заставил ее заплакать.

Увидев пятно на рукаве Бай Цзы Хуа, она смущенно опустила голову.

Белая мантия учителя всегда казалась чистой на протяжении тысячелетий, окруженная аурой бессмертия, грязь не могла запачкать ее. Его одежду не нужно было стирать, как ее... Интересно, нужно ли ему мыться? Хуа Цяньгу тут же представила себе, как учитель раздевается...

У нее мгновенно закружилась голова... О, Амитабха, помилуй грешную...

Ее мышление изменилось с тех пор, как она только-только стала его ученицей, которая должна была быть почтительной по отношению к своему учителю, стирать его одежду, готовить чай и

так далее.

Мастер всегда выступал за то, что Дао должно быть естественным, и заклинания не стоит использовать для того, чтобы привнести удобство в жизнь, иначе они сделают людей зависимыми и ленивыми. Поэтому такие мелочи, как расчесывание волос, стирка одежды и прочее, когда можно было просто поднять руку и произнести заклинание, он предпочитал делать сам, вместо того чтобы полагаться на магию.

- Учитель, позже дадите мне свою одежду, я ее постираю, хорошо?

Ошеломленный Бай Цзы Хуа посмотрел на Хуа Цяньгу, которая ответила ему трепетным взглядом, и мягко кивнул.

Ночью взошла луна, яркая, как нефритовый диск.

Хуа Цяньгу стояла босиком в глубине горного ручья, омываемого водой, недалеко от персиковых лепестков, осыпавшихся в воду из-за ветра. Лунный свет, преломляясь у поверхности воды, создавал манящие блики.

Танбао наслаждалась прогулкой на персиковой лодке вниз по течению, но проказница Цяньгу облила ее водой и опрокинула лодку. Тогда Танбао попробовала плавать в воде, перебирая своими тоненькими ножками, и вдруг, увидев маленькую рыбку, погналась за ней.

Хуа Цяньгу посмотрела на полную луну в небе, а затем - вниз, на двор Бай Цзы Хуа. Лампа внутри все еще горела. Она никогда не думала, что будет переживать такие счастливые и мирные деньки, и она страстно желала, чтобы так продолжалось вечно.

Утром следующего дня Хуа Цяньгу лежала на дереве и читала, как вдруг увидела маленького белого бумажного журавля, летящего к ней издалека.

Ей пришло письмо! Хуа Цяньгу подпрыгнула и схватила его.

Бумажные журавли, доставлявшие послания, бывали разного цвета, к тому же тип сообщения и степень срочности тоже были разные. Скорость полета журавля связана с духовной силой человека, который доставляет сообщение, если его силы слабы, бумажный журавль может провести в пути от нескольких месяцев до полугода. Если отправитель обладает мощной духовной силой, бумажные журавли могут пролететь тысячи миль за день или несколько часов, не будут бояться дождя и ветра, не сломаются от непогоды, и даже могут спрятаться в воздухе, не будучи обнаруженными и перехваченными никем.

Письмо было от Дунфан Юйцина. Его почерк «как курица лапой» был еще хуже, чем у нее. Он писал, что очень скучает по ней, так сильно, что у него болят даже кости. В конце письма он изобразил ужасную «семейную картину», состоящую из Хуа Цяньгу, маленькой гусенички и

ученого. Хуа Цяньгу прижала письмо к животу и улыбнулась, на самом деле она тоже скучала по нему. Она сразу побежала в кабинет, взяла кисть и накатала длинное-предлинное письмо Дунфан Юйцину. После она засунула послание в брюхо маленького бумажного журавля, и тот снова расправил крылья, отправившись обратно.

Хуа Цяньгу снова взобралась на дерево. Она едва успела сесть, как в небе со свистом пролетел луч золотого света. Через мгновение во дворе возник человек в черной мантии. Это был старший наставник, Мо Янь.

Хуа Цяньгу от страха тут же шлепнулась на землю.

Потирая пятую точку, она поприветствовала Владыку Мо Яня. Тот в ответ лишь холодно посмотрел на нее: «Как ученица главы может быть такой медлительной и нерадивой? Что с твоим внешним видом? И где твой учитель?»

- Учитель... Учитель может быть в павильоне мечей или в горной башне, а может быть в кабинете...

Мо Янь холодно фыркнул, взмахнул рукавами и направился прямо в храм: «Что же ты за ученица такая!»

Хуа Цяньгу быстро склонила голову, не решаясь больше говорить.

Бай Цзы Хуа понял, что случилось что-то важное, раз Мо Янь лично посетил Чертог Безучастия. Взявшись за край сложенного одеяния, Бай Цзы Хуа встряхнул его. Он был безупречно чистым и ровным, эта малышка выстирала его? Узор из персиковых цветов, а также свежесть воды и тепло солнца не могли не вызвать его мысленной улыбки.

В этот момент в комнату вошел Мо Янь. Нахмурившись, он сказал тихим голосом: «Еще один артефакт был похищен».

Хуа Цяньгу всю ночь ворочалась с боку на бок на кровати Сюаньбин [1], не в силах заснуть. Ей было ужасно скучно, ведь Бай Цзы Хуа отсутствовал уже три дня, и некому было сопровождать ее к обеду. Противная Танбао перестала проводить с ней много времени, все чаще убегая поиграть с Ло Ши И. Быстро же она позабыла о своей мамочке!

[1] Сюаньбин - в перев. «толстый лёд».

Но даже если Ло Ши И Шисюн красив, он окружен тысячами девушек, не то что насекомых, ах!

Хотя Танбао вполне могла думать, что гусеница выглядит намного лучше, чем он, верно?

Решив, что читать книги она не хочет, Хуа Цяньгу вскочила с кровати и направилась на кухню, чтобы поэкспериментировать с новыми рецептами. Когда она открыла дверь и увидела стоящего в дверях мужчину, то вздрогнула: неудивительно, что старший наставник сказал, что она медлительна.

Это был Чан Шэн, слуга одного из залов Чанлю. Она уже собиралась сказать ему, что ему нельзя входить в Чертог Безучастия, когда он загадочно улыбнулся и сказал: «Малышка, а вот и я!»

<http://tl.rulate.ru/book/26661/1568641>